

Роман Феликса Плохла «Все мои грехи» (Любляна, 2019) как автобиография преступника*

Аннотация:

«Все мои грехи» («Vsi moji grehi», 2019) — автобиографический роман Феликса Плохла (р. 1973), написанный в словенской тюрьме Доб, где автор отбывал наказание за совершенное в 1994 г. непреднамеренное убийство в боснийском городе Бихач. Среди описываемых событий: участие в войне на Балканах, жизнь в Северной Америке — Канаде и США, воровство, продажа наркотиков и сутенерство. Автор-герой рассказывает о совершенных им криминальных актах, представляя читателю аутентичную психологическую позицию без морализаторства и с большой долей гуманности. Особое внимание в статье уделяется анализу языка, который является неродным для писателя, отмечен транслингвизмом и элементами эксцессивного социолекта. Произведение также рассматривается через призму транскультурной теории и понятия «третьего пространства», раскрывающего гибридный характер области конфронтации, взаимодействия и переводческих процессов между различными культурными и языковыми моделями. Такое философское понятие Дж. Агамбена, как «голая жизнь» позволяет понять положение героя как маргинала и исключенного.

Ключевые слова:

Феликс Плохл «Все мои грехи», современная словенская литература, тема миграции в литературе, маргинальные социолекты, эксцессивные социолекты, транслингвизм, транскультурность, третье пространство

Aleksandra N. KRASOVETS
(Moscow)

Felix Plohl's novel «All My Sins» (Ljubljana, 2019) as an autobiography of a criminal

Abstract:

«All my sins» («Vsi moji grehi», 2019) is an autobiographical novel by Felix Plohl (b. 1973), written in the Slovenian prison Dob, where the author was serving a sentence for a culpable homicide committed in the Bosnian city of Bihać in 1994.

* Работа написана при поддержке гранта РФФИ № 18-512-00007 в рамках проекта «Эмоциональное и рациональное в литературе славянских народов».

The roman is about his participation in the war in the Balkans, his life in North America — Canada and the United States, theft, drug sales and pimping. The author-hero tells about the criminal acts he committed, presenting to the reader an authentic psychological position without moralizing, with humanism. Special attention is paid to the analysis of the language, which is not native to the writer, marked by translanguism and elements of an excess sociolect. The work is also viewed through the prism of transcultural theory and the concept of «third space», which reveals the hybrid nature of the field of confrontation, interaction and translation processes between different cultural and linguistic models. The philosophical concept of G. Agamben of «bare life» allows us to understand the position of the hero as a marginalized and the excluded.

Keywords:

Felix Plohl «All My Sins», Modern Slovenian literature, migration in literature, marginal sociolects, excess sociolects, translanguism, transculturalism, third space

Книга, в которой аксиологический аспект предстает крайне заостренным и нетривиальным образом, вышла весной 2019 г. в Любляне в издательстве «Белетрина», чьи редакторы называют ее счастливым «уловом», произведением, какие попадают им в руки раз в десять лет¹. Это роман-автобиография Феликса Плохла «Все мои грехи», которая в числе пяти книг была также номинирована на награду 35-го Словенского книжного сейма за лучший дебют 2019 г.

Автор книги родился в 1973 г. в боснийском городе Бихач в словенско-сербской семье: мама была сербкой, отец — словенец. Еще во время учебы в гимназии все говорят о нем как о перспективном, сверходаренном молодом человеке, с очевидным писательским талантом: его одноклассник — признанный боснийский писатель Нихад Хасанович вспоминает в одном из интервью 2008 г., что Феликс Плохл во многом повлиял на его решение посвятить себя литературному творчеству и на него как на писателя². Но жизнь Плохла оказывается охваченной чередой трагических событий: потеря матери в возрасте четырнадцати лет, решение остаться одному в родном Бихаче и закончить гимназию, начало войны, участие в ней в качестве добровольца в рядах боснийской, а затем хорватской армии в возрасте семнадцати лет, опыт, который растянется надолго, поскольку город Бихач оказывается в окружении в течение пяти лет. Эти годы — голод, холод, культурная и информационная изоляция военного времени, непреднамеренное убийство двух человек, приведшее к осуждению на восьмилетний срок тюремного заключения, и освобождение

спустя девятнадцать месяцев для участия в вооруженной борьбе в рядах защитников Боснии и Герцеговины. В хаосе послевоенных лет Плохл так и остается на свободе, но тогда начинаются другие непростые сражения в его жизни. По словам писателя Ленарта Зайца, распознавшего талант этого нестандартного автора, событий его жизни вполне хватило бы на несколько судеб, и это все равно показалось бы невероятным³, тогда как Йерней Мекуж из Института изучения словенской эмиграции и миграций на первой презентации книги справедливо отмечает, что ее сюжет мог бы стать предметом экранизации⁴. Так, Плохл в своей беллетризованной автобиографии помимо прочего описывает следующие события: переезд в Словению к отцу, безуспешные попытки найти работу на протяжении двух лет, в том числе из-за незнания словенского языка и сильного боснийского акцента, миграция в Канаду и затем в США, жизнь в афроамериканском гетто Лос-Анджелеса, продажа крэка и марихуаны. В Америке автор-герой влюбляется, у него рождается сын Джонатан, на своей избраннице — темнокожей Малекие он женится уже в Любляне; в романе подробно описываются их сложные отношения, полные манипуляций и раздоров. В тексте романа, однако, нет непосредственной предыстории написания самой книги, а сам контекст появляется лишь на последней странице. После депортации из США и возвращения в Словению Плохла в 2013 г. арестовывают в Австрии за нападение и мелкую кражу⁵, тогда же обнаруживается, что он находится в международном розыске из-за убийства, совершенного в Боснии в 1994 г., его отправляют в печально известную тюрьму города Зеница. Являясь гражданином Словении, он получает разрешение на перевод в словенскую тюрьму и отбывание заключения там. Так автор оказывается в тюрьме Доб, где его литературный талант открывает писатель Ленарт Зайц в рамках ателье креативного письма по программе Общественного агентства книги Республики Словения «Включаем и активируем!», являющейся частью более обширной программы ЕС. Именно там, в тюрьме, благодаря такого рода нацеленности на инклюзивность и социальную реабилитацию преступников, возник его автобиографический роман «Все мои грехи», вызвавший большой интерес у читателей*.

* Сегодня Феликс Плохл досрочно освобожден из тюрьмы, работает поваром и планирует написать новые книги.

Внимание к его дебютному роману, однако, вполне оправдано, поскольку книга написана талантливо, накал событий держит читателя в напряжении, стиль повествования живой и яркий, с чувством юмора. Автору удалось поймать тон разговорного языка различных более или менее маргинальных групп, в результате чего в языковую ткань романа оказываются мастерски вплетены американский, словенский и сербохорватский сленг. Повествование идет от первого лица и откровенно заявляет об отсутствии какого-либо разграничения между литературным «я» и автором. Произведение отчасти напоминает жанр криминального романа, однако элементы последнего здесь служат скорее своеобразным контекстом, на фоне которого разворачивается очень личная история. Это необычное сочетание жанров автобиографии и детектива представляет особый интерес, поскольку оба пользуются исключительной популярностью в словенской литературе в последние годы и представляют собой отдельное явление, о чем также свидетельствуют престижные награды и номинации на них*.

Роман состоит из девяти тематически завершенных глав (рядом с названием каждой указывается место и время описываемых событий)**, читатель наблюдает за жизненным путем героя, все глубже погружаясь в прошлое, в причины, которые привели его к тем или иным ситуациям, до первого посещения Канады и США. Перед повторным возвращением в настоящее повествователь всматривается в еще более ранние события, в период, когда он еще жил в Боснии. В центре всего находятся родной город и югославские войны, которые разразились в годы его молодости и которые наложили на него глубокий отпечаток. Такое эллиптическое расположение глав позволяет автору свободно вычленивать из прошлого те или иные моменты, приближаясь и отдаляясь от главного травматического события своей жизни, обходя при этом и то, о чем бы он не хотел говорить.

* В 2019 г. премию «Кресник» за лучший роман года получил роман автобиографического характера писательницы Брони Жакель «Белое стирают при 90 градусах», среди номинантов было также несколько детективов, в частности романы «Медсочье» Мирта Комела и «Парк имени Ленина» Тадея Голоба.

** Последовательность глав является следующей: «Свадьба (Люблина, 2008/09)»; «Ниндзя (Голливуд — Vegas, 2007)»; «Грязноволосый (Лос-Анджелес, 2001)»; «О, Канада (Ванкувер, 1999)»; «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты (Бихач, 1993)»; «Тяжелая смерть (Бихач, 1993)»; «Головой вниз (Лос-Анджелес, 2002)»; «Граница (Тихуана, 2010)»; «Словенский язык».

Юмор, в особенности черный юмор, дает возможность затронуть трагичное, наиболее тяжелые темы; представленные в таком ключе, они могут наконец быть пережитыми и освобожденными от своего травматического груза.

Роман Плохла сравнивают с другим нашумевшим словенским романом «Чефуры вон!» (2008) Горана Войновича, однако единственной существенной точкой их соприкосновения можно считать попытку ближе познакомить рядового читателя с далеким от него миром маргинальных групп: у Войновича — это среда переселенцев из республик бывшей Югославии в Словении, у Плохла речь идет об афроамериканском гетто, своеобразной изнанке Голливуда, с его продавцами наркотиков, проститутками и мелким криминалом; оба автора обращаются к обширному пласту уличного сленга⁶. Стиль письма Плохла, по словам одного из критиков, напоминает Джека Керуака ускоренным темпом разворачивающихся событий, не дающих читателю «продохнуть», и тексты Чарльза Буковски своей смесью цинизма и агрессивности⁷. Неизменно возникают параллели с другим арестантом в словенской литературе — Витомилом Зупаном и его во многом автобиографическим романом «Левитан» (1982), отразившим писательский опыт тюремного заключения⁸.

Безусловно, роман Плохла заставляет задаться вопросами о промощи криминала и о том, что автор в результате за свои грехи получил вознаграждение в виде книги и вызванного ею интереса⁹. На что сам Плохл отвечает, что некоторое вознаграждение он все же заслужил, поскольку вместо литературы мог бы продолжать заниматься продажей наркотиков, очень распространенным в тюрьме видом деятельности¹⁰. Мы, однако, обращаясь к тексту Плохла, хотели бы рассмотреть вопросы социального, аксиологического и шире — экзистенциального характера.

Первой проблемной зоной, обращающей на себя внимание при чтении автобиографического романа Плохла, является соотношение автора и героя, которые якобы представляют одно лицо. Произведение написано искренним, предельно откровенным тоном, который претендует на отсутствие каких-либо попыток приукрасить происходящее или оправдать себя, и вместе с тем выразить сожаление или попросить прощения у читателей, что требует от автора некоторой смелости, поскольку он описывает не самые лестные для себя собы-

тия, по сути разбираясь где, когда и в чем он согрешил. Все это приводит к тому, что автор-герой рассказывает свою историю без морализаторства, лицемерия и политкорректности. «Это то, чем и должна быть литература», — выражает свое мнение редактор книги Урбан Вовк, вспоминая при этом немецкого писателя Карла Мая, также прошедшего через тюремный опыт¹¹. Редактора в свою очередь воодушевила «повествовательная амбиция» Плохла, нацеленная на то, чтобы в своей истории суметь понять и вычленить соответствующую психологическую подоплеку¹². Автор-герой действительно пытается осмыслить природу своих поступков, что заставило его действовать тем или иным образом, наряду с заявленной искренностью проявляют себя демонстративная самодостаточность, сугубо мужская позиция с неотъемлемыми элементами агрессивной «мужской культуры» — оборонительный тон (частью которого является юмор), постоянное доказывание своей силы, а также владение положением и преодоление сложных ситуаций. В роман, как мы уже отметили выше, при этом не попадают другие события, которые бы показали автора в еще менее выгодном для него свете. Так, симптоматичным является то, что в книге нет рассказа о совершенном двойном убийстве, как объясняет сам Плохл, это происходит именно потому, что в этом событии нет абсолютно ничего смешного, а кроме того, это является данью уважения к жертвам¹³. Нет в тексте и описаний жизни в тюрьме, по словам писателя: «Дело в том, что в тюрьмах на самом деле ничего особенного не происходит. Меньше, чем мы могли бы себе представить, смотря американские сериалы. Об исправительной колонии L.A. County Jail можно было бы много чего рассказать, в настоящей тюрьме в США я, к счастью, не был. Если бы я писал о том, что происходило в тюрьмах Бихача, Зеницы и Доба, то это была бы очень скучная книга»¹⁴. Так, уже сама эта нацеленность на увлекательность художественного текста, на его комическую составляющую, которая, как мы видим, выступает в качестве защитной стратегии героя, на избирательность тех или иных сюжетов все-таки позволяет нам рассматривать героя Плохла как самостоятельного литературного персонажа, созданного им таким образом собственного литературного двойника.

Плохл своей книгой при этом обращает внимание читателя на маргинальные сферы, которые в то же время существенным образом до-

полняют пазл нашей аксиологической картины мира. Речь идет о тех областях пограничья, положении на грани, которые раскрывают нам функционирование целостной системы, как в социальном, так и культурном плане.

Словенский философ Славой Жижек в своей работе «Возвышенные объекты идеологии» (1989), рассуждая о социальных «эксцессах», с отсылкой на Ж. Лакана и К. Маркса, рассматривает такое понятие, как «симптом». Оно показывает, что явления, представляющиеся повседневному сознанию всего лишь отклонением, случайной аномалией и сбоем в «нормальном» функционировании общества, тем, что может быть устранено в ходе улучшения системы, — на проверку оказываются неизбежным продуктом самой системы, той точкой, в которой прорывается «истина» — внутренне противоречивый характер системы¹⁵. В этой связи, согласно Жижеку, «идентифицироваться с симптомом» значит распознавать в «эксцессах», в нарушениях «нормального» положения вещей то, что дает нам доступ к их истинному устройству¹⁶. Так, первые возникающие у нас мысли при обращении к книге Плохла — прежде всего о том, что все представленное в ней есть маргинальная сфера иммигрантского и криминального мира, социальные девиации, далекие от нормального хода вещей, однако именно эти отклонения и нарушения, как оказывается, проливают свет на всю структуру в целом, в частности на человеческую природу как таковую и на то структурное насилие общества, которое проявляется в отношении ко всему маргинальному. Однако же, без принятия во внимание данных маргинальных составляющих, вся остальная правда об обществе и человеке теряет свою силу. Герой книги представляет собой практически парадигматическую фигуру исключенного — вырванный из нормы сперва военными событиями, затем непреднамеренным убийством и как следствие исключением из родной среды Боснии, большую часть времени он на нелегальном положении, в результате чего действительно не принадлежит ни одному пространству, весь его дальнейший путь — это путь чужого, скитальца, мигранта, нелегала, бездомного, человека без гражданства, вынужденного выживать при помощи продажи наркотиков, таким образом насильственно ввергнутого в уголовную среду. С позиции остроумного маргинала он преподносит нам опосредованную критику властных механизмов общества, чья репрес-

сивная сила направлена на его уязвимое положение. Вопреки его криминальным и аморальным актам, таким как кража, сутенерство, продажа наркотиков, глубоко интимная и личная призма повествования неизменно вызывает чувство эмпатии в адрес героя.

Понять положение и область культурного функционирования протагониста, выявить то особое поле, в котором ему приходится обитать, помогает нам также теория транскультурности или транснациональная теория в литературоведении. Последняя уделяет особое внимание таким понятиям как гибридность, гибридная (фрагментарная) идентичность, плюрализм культурных и лингвистических кодов, игра с культурными стереотипами, экстерриториальность, билингвизм, метарефлексия, диалогизм, транслингвизм и пр.¹⁷ Теория транскультурности разрабатывалась такими философами как Вольганг Вельш¹⁸ и Хоми Бхабха¹⁹, которые начали пристально всматриваться в поля, образующиеся между культурами, чья значимость также возросла в последней четверти прошлого века ввиду интенсивных экономических, глобализационных и миграционных процессов. Возникло такое понятие как «третье пространство» («third space») или «меж-пространство» («space-in-between»), разработанное в работах Бхабхи²⁰, а также Эдварда Соджи²¹. Речь идет о пограничной области контакта, конфронтации, наложения и смещения противоречивых и сложных по своей структуре культурных пластов, именно в этом пространстве «между» ведутся диалоги, переговоры, разворачиваются процессы взаимопроникновения, межсемиотического перевода между различными культурными, литературными и языковыми моделями. Данные явления также не имеет смысла рассматривать с точки зрения бинарных и дихотомизирующих идентификационных конструкций, поскольку они позиционируют субъект новым, «перемещенным», «децентрализованным» образом, благодаря чему и могут быть осознаны голоса преследуемых, изгнанных и маргинализованных²². В транснациональной литературе, которая отражает специфику такого рода «между-миров», особая роль принадлежит явлению транслингвизма, к которому намеренно обращаются авторы в желании включить в текст гетерогенные языковые пласты, зашифровать иную языковую реальность, ряд иных смыслов, полностью понятных лишь читателям, знакомым с той или иной традицией, пересечение и слияние которых неминуемым образом дестаби-

лизирует язык доминирующего большинства²³. Роман Плохла также открывает дверь в это особое межкультурное пространство во всей его неоднозначности, противоречивости, изменчивости и конфликтности. Его герой обитает в поле пересечения многочисленных культур, будучи уже изначально погружен в транскультурную среду боснийского города Бихач, существуя между боснийской, сербской, хорватской и словенской культурами. Уже тогда его идентичность не имеет четких самоопределений, что, в частности, позволяет ему сперва воевать на стороне боснийцев, а затем хорватов, после приезда в Словению считать себя словенцем, а в США органично влиться в плавильный иммигрантский котел, где он становится носителем крайне обобщенной идентичности европейца. А положение вне закона, того, кто нарушает его нормы, делает из него человека вне границ, того, кто не столько физически, сколько психологически и ментально их преодолевает. Прочитируем пассаж из романа: «Когда я вернулся в Словению, я вообще не чувствовал себя хорошо. Я чувствовал себя как растение, которое вырвали вместе с корнями и пересадили куда-то, где ему не нравится. Некоторые будут сейчас умничать и говорить, что мои корни в Боснии, а я им отвечу, что я оттуда вырвал себя сам и никогда по этому поводу не испытывал сожаления. Словения была ОК, Канада тоже, но ни одну, ни другую я не оплакивал так, как Америку. Я скучал по всему — по друзьям, врагам, американской еде, 110-ваттовому электричеству; мне не хватало даже американских полицейских и окружного суда в Лос-Анджелесе. Но больше всего я скучал по своему сыну» (С. 13)²⁴.

Особенно поразительным образом это положение функционирования в «третьем пространстве» получает воплощение в языке, с такими сопутствующими явлениями как билингвизм и транслингвизм. Автор-герой говорит о себе, что словенский — лишь его третий язык после сербохорватского и английского, что не мешает ему написать на нем книгу в 367 страниц. После нескольких лет пребывания в Северной Америке он действительно почти забыл как свой родной язык, так и словенский: «После двух лет Канады и семи с половиной Америки я вернулся в Словению и должен был снова выучить словенский и сербохорватский, особенно произношение, так как некоторые звуки я больше не умел выговаривать» (С. 366). Таким образом, мы наблюдаем диффузный характер его языковой и личной идентич-

ности, которой свойственно постоянное адаптирование и изменение, то есть номадизм²⁵, который является особой формой существования «вне центра», непрекращающимся процессом миграции из языка в язык и из культуры в культуру. Так и словенский, на котором написан роман, также своеобразен и выдает тот факт, что это не родной язык автора: в текст романа активно вклиниваются сербохорватские выражения, американский сленг и жаргон афроамериканского гетто, цитаты из песен и рэп-композиций как на сербохорватском, так и на английском (а также на испанском) языках, что отражает личный «между-мир» автора-протагониста, его обитание в «третьем пространстве». Речь идет о форме транслингвизма, то есть о таком применении языка в тексте, когда в нем получает отражение другая лингвистическая и культурная реальность. Данные гетерогенные языковые пласты даже если и производят впечатление ошибочных, а словенский язык может порой отличаться лексической скромностью, последнее компенсируется присутствием элементов других языков, живостью и непосредственностью повествования, эффективного в своей простоте, а также авторской выраженной индивидуальной дикцией. В романе автор-герой пишет об усилиях как можно лучше освоить язык своего отца, а также о том, что его текст был подвергнут неоднократной редактуре, но при этом отмечает: «Все еще и с вершины Триглава видно, что эту книгу написал именно я, так как некоторые вещи, которые приходят из моей головы, вообще не поддаются редактированию» (цС. 367). В качестве иллюстрации приведем отрывок из романа, в котором автор-герой говорит о своей жене и который демонстрирует, как функционирует транслингвизм в языковой ткани книги:

«Za svojo baby-mamo ne morem reči, da je slaba oseba, ker to res ni. V življenju jo jebe nekaj drugega — luda je ko strujal! Pri tem ne mislim luda v prenesenem pomenu, ampak dobesedno — zadosti nora za v norišnico... Okej, mogoče ne prav za v norišnico, za močnejše terapije pa vsekakor. Pravzaprav ima predpisano terapijo, ki pa se je niti slučajno ne drži. Moja baby-mama je namreč hudo

«О своей бейби-маме я не могу сказать, что она плохой человек, так как это вовсе не так. В жизни ее парит нечто другое — она совсем чокнутая! При этом я не имею в виду чокнутая в переносном смысле слова, но буквально — ей бы в психушку... Окей, может, не прямо сразу в психбольницу, но более сильная терапия нужна по-любому. Фактически ей предписана

bipolarna. Za tiste, ki ne vedo, kaj to je, naj dodam, da se ji razpoloženje lahko spremeni v sekundi – v stanju evforije jo brez razloga nenadoma popade bes, začne se zaganjati, razbijati, uničevati stvari, že naslednjo sekundo pa je lahko spet *happy-happy*. [...] sem se velikokrat spraševal, zakaj se obnaša, kot se. *Koji joj je kurac?»* (С. 8).

терапия, которой ей и в голову не приходит придерживаться. У моей бейбимамы на самом деле серьезная форма биполярного расстройства. Для тех, кто не знает, что это такое, добавлю, что ее настроение может поменяться в одну секунду — в состоянии эйфории на нее без причины нападает бешенство, она начинает метаться, крушить, ломать все вокруг, а уже через секунду снова *happy-happy*. [...] я много раз задавался вопросом, почему она себя так ведет. *Какого хрена?»*

В тексте оригинала курсивом выделяются слова и выражения из других языков, которые внедряются в текст, производя при этом переклечение языковых кодов.

Роману присущи и элементы так называемого «эксцессивного социолекта», если мы обратимся к классификации социолектов (наравне с культивированным и маргинальным социолектами), представленной словенским писателем и исследователем Андреем Е. Скубицем²⁶. К последним он причисляет социолекты городских молодежных субкультур, а также групп с особо суровым стилем жизни, которые ставят себя выше «мягкотелого» общества (военные, каскадеры, шахтеры, уличные банды)²⁷. Носители данного социолекта стремятся выйти из преобладающего социального соотношения сил и занять дистанцированную или критическую позицию. Поскольку речь идет о языке ресоциализации, согласно своим альтернативным ценностям он релексикализирует пласты существующих маргинальных и культивированных социолектов, его символические приемы нацелены выразить провокацию, чрезмерность и нередко обретают агрессивную форму, все это при помощи активного использования языковых инноваций и вульгаризмов (последние также отражают связь данных групп с физическим трудом и как следствие их нацеленность на гедонизм и плотские удовольствия). Главным правилом эксцессивного социолекта, согласно Скубицу, становится интертекстуальность: активное смешение высокого и низкого, старого и нового, родного и чужого²⁸. Эти составляющие, а также элементы городского маргинального социолекта и социолекта иммигрантов, мы находим и

в романе Плохла. О том, каково это быть переселенцем из южных республик бывшей Югославии в Словении и о языковой дискриминации из-за «южного акцента», по причине которого автору-герою отказывают в службе, он говорит: «После этого эпизода я пришел к выводу (правильно или нет), что для меня в Словении никогда не будет будущего, и я могу как угодно ассимилироваться, но все равно всегда буду южным братом. Мать их, в Боснии я всегда буду словенец, а Словении босанец, и ничего не поделаешь. Малые народы навсегда останутся малыми народами, одновременно гордящимися и ревниво защищающими свое культурное наследие, язык и все то, чем они отличаются от других малых народов» (С. 365).

В связи с персонажем книги Плохла нам также представляется существенным обратиться к понятию «голая жизнь», выработанному итальянским философом Джорджо Агамбеном в книге «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь» (1995)²⁹. Речь идет об основополагающем отношении между биологической жизнью человека и суверенной властью как основной формой политической организации. Понятие отражает ту голую (биологическую) жизнь, которая оказывается исключенной из закона таким образом, что ее можно безнаказанно отнять, но нельзя принести в жертву, поскольку жертва всегда уже кодифицирована. Последнее возможно в ситуации чрезвычайного положения, когда утрачивают силу существующие законы о защите человеческих прав. Согласно Агамбену, с ситуацией чрезвычайного положения оказываются сходны концентрационные лагеря, положение беженцев, «зоны ожидания» аэропортов и периферии современных городов. Лагерь, согласно философу, — не исторический факт или аномалия, относящаяся к прошлому, а, напротив, скрытая матрица политического государства. А о городских гетто Агамбен говорит, что это «лагерь, глубоко укоренившийся в Городе», «новый биополитический *номос* планеты»³⁰. Саму же «голую жизнь» разум не в состоянии помыслить без изумления и ужаса.

Герой Плохла — пример существования на грани голой жизни в ее литературном воплощении. Однажды столкнувшись лицом к лицу со смертью, его восприятие окружающей действительности существенным образом меняется, наряду с невероятной волей к жизни проявляется желание получать от нее наслаждение. Одним из первых описываемых им опытов подобного рода становятся эпи-

зоды военного конфликта, когда смерть является чем-то вездесущим. В одном из интервью автор говорит о пережитом: «Ты уже мертв, так что каждый новый день, который ты переживаешь, — бонус, ты можешь быть счастлив, что ты жив. Если тебя убьют, но... ведь убили столько людей — одним больше, одним меньше, все равно, это ничего не меняет»³¹. Так, глава под названием «Тяжелая смерть (Бихач, 1993)» с невероятной пронизательностью и человеческой теплотой, в жанре черного юмора и не без гротеска рассказывает о том, как во время войны солдаты хоронят своего товарища, который, напившись, утонул в неглубокой речке. Здесь и попытки героя стянуть с покойника, лежащего в гробу, добротные ботинки, поскольку сам он вынужден ходить в лыжных. И долгий путь к могиле во время похорон с воинскими почестями, когда у того же героя, несущего вместе с другими гроб, скользят ноги и немеют руки, он вынужден напрячь все свои силы, чтобы не упасть, но гроб все равно падает в вырытую могилу из-за пьяных гробокопателей. Крышка гроба открывается, покойник принимает сидячую позу, его мать от шока падает в обморок и сваливается в могилу к сыну. Поминая умершего товарища, один из офицеров произносит пронизательную речь, с которой про себя соглашаются все присутствующие: «По-своему ему повезло, что он умер и что его больше нет на этом свете. Я ему даже немного завидую. [...] Посмотрите, что у нас за жизнь! Если ты в городе, на тебя весь день сыплются гранаты, и знать не знаешь, что и когда упадет тебе на голову. Если ты на поле боя, тебя обстреливают из автоматов, из снайперских винтовок, из зениток, чего только нет... Никогда не знаешь, не предназначается ли следующая пуля тебе. Ты можешь наступить на мину, тебя может разорвать на части, оторвать тебе руки, ноги, всю оставшуюся жизнь ты инвалид. У нас нет денег, нечего есть, нечего курить... Единственное, что у нас всегда в достатке, это ракия. Мы стоим в очереди за гуманитарной помощью, будто мы где-нибудь в Африке. [...] Я не боюсь смерти, так как все равно однажды умру, я боюсь такой жизни. Не тяжела смерть, тяжела жизнь!» (С. 239–240).

Другой из подобного рода сильных и захватывающих моментов в романе, представляющих пребывание в состоянии голой жизни — это описание нелегального перехода границы между Мексикой и США (в главе «Граница (Тихуана, 2010)»), когда героя задерживает

полиция на американской стороне, что, по сути, становится для него спасением. Арестовав его лишь с двумя бутылками воды и одной бутылкой кока-колы в рюкзаке, полицейские смеются над ним и говорят, что, если бы они его не поймали, то он бы умер днем в пустыне от жажды. Взятая им веревка, с помощью которой он якобы желал перебраться через стену, также вызывает насмешки американских полицейских, поскольку они знают, что это сделать невозможно, по стене пущен электрический ток, все попытки заканчиваются смертью, и рядом со стеной большое количество крестов в память о тех, кто здесь погиб: «Фонари были сейчас всего в каких-нибудь десяти метрах от меня, и я слышал, как они разговаривают. Я подождал, пока тот, кто шел спереди, приблизился, и сдался сам: „Эй, я здесь!“ Обе руки я, конечно же, держал в воздухе и вертел всеми десятью пальцами, чтобы они видели, что я безоружен. Это вам не шутка, эти тебя пристрелят как зайца, и глазом не моргнут... Я видел как-то, как шериф в Западном Голливуде застрелил шестидесятисемилетнюю женщину со старческой деменцией, когда она *напала* на него с отверткой. Бабушка весила не больше сорока килограммов и не сказать, чтобы успела его сильно достать, что уж говорить о том, чтобы на него напасть, он же успел опорожнить содержимое своего глока ей в грудь. [...] Я подошел и ожидал, что меня сперва отдубасят в отместку за то, что были вынуждены заниматься мной, и уж потом только арестуют. Ладно, не могу сказать, что именно этого я ожидал, но меня бы это не удивило» (С. 333). Так, мы видим, что пограничная зона — область, в которой привычный порядок вещей фактически упразднен, и то, происходят там страшные события или нет, зависит не от наличия прав, а только от моральных качеств полицейских, выступающих в роли вершителей верховной власти.

Жизнь в афроамериканском гетто в Голливуде также пронизана насилием на фоне проблем с наркотиками и проституцией: герой рассказывает о проститутках, которые живут на улице и продают себя за трубку крэка — сам автор-герой оказывается втянутым в эту спираль насилия, во власть ничем не контролируемых аффектов, сам становится агрессивным и прибегает к жестокости, в том числе в отношении женщин. Автор таким образом приблизил читателю эту маргинальную среду, однако криминальный характер ее деятельности отходит на второй план, в фокусе оказываются сами люди,

их личные переживания и попытки выжить в непростых условиях. Порой арест героя и его заключение в тюрьму представляется тем вступлением закона в силу, тем установлением нормы и прав, которое спасает его от голой жизни в гетто, становится выходом из мучительного насильственного положения.

Сексуальность, сексуальная жизнь здесь также становятся аватаром голой, биологической жизни, представляя собой экономику удовольствия тела, реализацию права на счастье, на удовлетворение потребностей. Согласно Фуко, это право по ту стороны всех и всяческих притеснений и «отчуждений», стало также своего рода репликой на процедуры власти³². В романе мы видим, что телесные удовольствия — секс, наркотики, алкоголь — являются той необходимой сферой наслаждения голой жизнью, той областью непосредственной личной свободы, которая делает сносным положение исключенного и тем самым становится одним из редких способов противостоять насильственным обстоятельствам. Гедонизм, как мы уже отметили выше, говоря об эксцессивном и маргинальном социолектах, присущ данным группам населения также ввиду природы их занятий, связанных с физическим трудом и экономикой тела; привязанность к плотским удовольствиям — ценность, противопоставленная нормам доминирующей культуры, также находит свое выражение в виде чрезмерности (отсюда же любовь к китчу, которая проявляет себя в выборе музыки и одежды).

Анализируя роман Плохла, нельзя исключать и эффект автотерапии, исцеляющую составляющую литературного творчества. Об акте письма как реабилитации говорят организаторы писательских ателье в тюрьме Доб, подчеркивая, что при помощи креативности заключенным удастся преодолеть многие страхи и предрассудки, открыть для себя новый мир и лучше интегрироваться в общество³³. Плохл также считает, что его книга поспособствовала его социальной и внутренней реабилитации, работа над ней позволила ему плодотворно занять время в период отбывания тюремного срока³⁴. Само же преступление в данной перспективе метарефлексии предстает как момент необдуманности, возникающий под действием алкоголя или наркотиков и тем самым полностью и безвозвратно меняющий жизнь личности; тогда как мелкий криминал — лишь способ уцелеть на краю общества. Плохл говорит в одном из интервью о том, что занимался не самыми хорошими вещами, но многие в таких же обстоя-

яательствах сделали бы что-нибудь куда хуже³⁵. Так, существование на грани выживания, на пределе психических возможностей, которое пробуждает в человеке работу инстинктов и реакцию на уровне аффектов, смещает границы нормы, позволяет предпринять попытку осознать порог человеческого внутри него самого. Автор-герой в романе Плохла подходит вплотную к этой разделительной линии, творческое воплощение пережитого опыта, его смещение в область созидания позволило отчасти переболеть травматическое. Книга также дает возможность заглянуть в гибридное пространство промежуточного мира между различными культурами и социумами, которое помимо прочего подрывает гегемонные взгляды и позволяет услышать голоса маргинализованных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Zlobec M.* Romaneski prvenec Feliksa Plohla kot knjiga desetletja? // Wordpress. 22.04.2019. URL: <https://marijan.zlobec.wordpress.com/2019/04/22/romaneski-prvenec-feliksa-plohla-kot-knjiga-desetletja/> (дата обращения: 20.08.2020).
- ² An interview with Nihad Hasanović. Blog Jasmin's Heart. 07.10.2008. URL: http://www.nihadhasanovic.com/t/fid_int/en_int1.php (дата обращения: 20.08.2020).
- ³ *Milek V.* «In kaj ste naredili, da ste tukaj?» Literatura za zidovi: Na ustvarjalni delavnici v zaporu na Dobu // Delo. 09.04.2019. URL: <https://www.delo.si/kultura/knjiga/in-kaj-ste-naredili-da-ste-tukaj-169079.html> (дата обращения: 20.08.2020).
- ⁴ *Jurc A.* Vsi grehi Feliksa Plohla: prostodušna izpoved nekdanjega zapornika. Predlog za poletno branje: roman Vsi moji grehi Feliksa Plohla // RTV SLO. 22.06.2019. URL: <https://www.rtv.slo.si/kultura/knjige/vsi-grehi-feliksa-plohla-prostodusna-izpoved-nekdanjega-zapornika/494944> (дата обращения: 21.08.2020).
- ⁵ *Žišt D.* (INTERVJU) V zaporu bi lahko dilal drogo, a sem raje pisal // Seniorji. 19.08.2019. URL: <https://www.seniorji.info/v-zaporu-bi-lahko-dilal-drogo-a-sem-raje-pisal-10054422> (дата обращения: 20.08.2020).
- ⁶ *Korljan A.* Od zapora do knjige // Primorske novice. 17.05.2019. URL: <https://www.primorske.si/2019/05/17/od-zapora-do-knjige> (дата обращения: 20.08.2020).
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem; *Milek V.* «In kaj ste naredili, da ste tukaj?» Literatura za zidovi.
- ⁹ *Kos M.* Nekdanji zapornik na Dobu izdal svojo knjigo // 24ur. 18.04.2019. URL: <https://www.24ur.com/novice/slovenija/feliks-plohl.html> (дата обращения: 20.08.2020).

- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² *Jurc A.* Vsi grehi Feliksa Plohla: prostodušna izpoved nekdanjega zapornika.
- ¹³ *Kos M.* Nekdanji zapornik na Dobu izdal svojo knjigo.
- ¹⁴ *Jurc A.* Vsi grehi Feliksa Plohla: prostodušna izpoved nekdanjega zapornika. Перевод сделан автором статьи.
- ¹⁵ *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 134.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См., напр.: *Рубинс М.О.* Литература в контексте транснациональной теории // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды. СПб., 2014. С. 275–283.
- ¹⁸ *Welsch W.* Transkulturalität. Zur veränderten Verfassung heutiger Kulturen // Hybridkultur: Medien, Netze, Künste. Köln, 1997. S. 60–90.
- ¹⁹ *Bhabha H.K.* The Location of Culture. London, New York, 1994.
- ²⁰ *Bhabha H.K.* The Third Space. Interview with Homi Bhabha // Identity. Community, Culture, Difference / Ed. J. Rutherford. London, 1990. P. 207–221.
- ²¹ *Soja E.W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Cambridge (MA), 1996.
- ²² *Jurič Pahor M.* Transkulturalnost: vpogledi v »slovensko« manjšinsko književnost // Družba in družbena gibanja 50 let po 1968 / Slovensko sociološko srečanje 2018, Piran, 18.–20. oktober 2018. Ljubljana, 2018. S. 59.
- ²³ *Рубинс М.О.* Литература в контексте транснациональной теории. С. 277–278.
- ²⁴ Здесь и далее роман «Все мои грехи» с указанием страниц в круглых скобках цитируется по изданию: *Plohl F.* Vsi moji grehi. Ljubljana, 2019.
- ²⁵ *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург, М., 2010.
- ²⁶ *Skubic A.E.* Sociolekti od izraza do pomena: kultiviranost, obrobje in eksces // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na Slovenskem — Členitev jezikovne resničnosti. Obdobja 22. Ljubljana, 2004. S. 297–320.
- ²⁷ Ibid. S. 303.
- ²⁸ Ibid. S. 303–304.
- ²⁹ *Агамбен Дж.* Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
- ³⁰ Там же. С. 223.
- ³¹ *Pelko T.* Od odličnjaka do kriminalca in pisatelja // Obrazi. 2019. 8. URL: <https://odkrito.svet24.si/clanek/govorice/od-odlicnjaka-do-kriminalca-in-pisatelja-732870> (дата обращения: 22.08.2020).
- ³² *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 249–250.
- ³³ *Milek V.* «In kaj ste naredili, da ste tukaj?» Literatura za zidovi.
- ³⁴ *Jurc A.* Vsi grehi Feliksa Plohla: prostodušna izpoved nekdanjega zapornika.
- ³⁵ *Žišt D.* (INTERVJU) V zaporu bi lahko dilal drogo, a sem raje pisal.